

**Митрополит
Антоний Сурожский**

**СМЕРТЬ: УХОДЯЩИЕ
И ОСТАЮЩИЕСЯ**

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

МОСКВА, 2016

Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р16-616-0618.

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Антоний, митрополит Суражский.

Смерть: уходящие и остающиеся / Пер. с англ. –
М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Су-
ражского», Благотворительный фонд помощи хосписам
«Вера», 2016. – 40 с.

Митрополит Суражский Антоний (Блум; 1914–2003) про-
жил долгую жизнь, вместившую эмиграцию, войну, француз-
ское подполье, работу врачом, заботу не об одном поколении
тысяч обращавшихся к нему людей. О личных утратах он зна-
ет не понаслышке, боль перенесших потерю близких пережи-
вает как свою. В этой брошюре рассказывается о том, как по-
разному можно относиться к утрате близких. Во многом это от-
ношение вырастает из восприятия человеком смерти как тако-
вой, а также из первого опыта столкновения со смертью. Ми-
трополит Антоний делится собственным опытом переживания
неизлечимой болезни и смерти матери, а также приводит в при-
мер знакомых ему людей, размышляя о том, с какими вопро-
сами и вызовами сталкивается человек, оказавшись перед ли-
цом смерти близкого. В брошюру включены ответы митропо-
лита Антония на многочисленные вопросы, в том числе о смер-
ти младенцев, о самоубийстве и о примирении с Богом.

Смерть: уходящие и остающиеся¹

Тема моей беседы — переживание утраты, но трудно говорить о переживании утраты, не затронув тему смерти, потому что наше отношение к потере близкого и то, как мы отзываемся на это переживание, в большой степени зависит от того, что мы думаем о смерти или как воспринимаем смерть. Поэтому я буду говорить, вероятно, и о первой и о второй теме несколько вразброс.

В своей жизни мы встречаемся со смертью в первую очередь через потерю близких и переживание утраты. Мы не начинаем с того, что думаем о смерти как таковой, задаем себе теоретические вопросы — мы сталкиваемся с ней непосредственно. При этом впечатления, полученные в раннем детстве, могут играть очень важную роль в нашей способности или неспособности встретить собственную смерть или потерю близких лицом к лицу в ситуации, когда смерть касается нас лично и поражает до глубины наше-

¹ Беседа в Дартингском колледже искусств, Великобритания, ок. 1979 г. / Пер. с англ. О. Цейтлинной; под ред. Е.Л. Майданович.

го существа. Поэтому мне хотелось бы начать с рассказа о моей первой встрече со смертью в детстве, когда мне еще не было семи лет. В то время мой отец находился на дипломатической службе в Персии (сейчас это Иран), и однажды вечером отец повел нас с мамой посмотреть сад одного жителя Тегерана. Сад славился своим розарием, и было принято приходить и любоваться им с разрешения хозяина дома.

Чрезвычайно обходительный, спокойный, сдержанный пожилой человек провел нас по саду, предложил шербет и сладости и проводил нас. Лишь через пару дней мы узнали, что за несколько часов до нашего прихода сын хозяина розария был убит и его тело лежало в одной из комнат; но отец посчитал недостойным отказать нам в гостеприимстве или заставить нас разделить боль, которая, как он чувствовал, должна была оставаться только его болью. Тогда это глубоко меня поразило. Конечно, в то время я не продумывал это, но это осталось во мне и, возможно, сформировало мое понимание того, что к смерти дорогого мне человека, к потере близких — наших собственных или чьих-то еще — нужно подходить с мужеством и глубиной.

Я помню, как во Франции один из наших преподавателей, профессор психиатрии, говорил,

что чем глубже переживание, тем труднее его выразить. Лишь поверхностные чувства могут найти себе немедленное и шумное выражение. И я думаю, что в случае с этим человеком его чувство было настолько глубоко, что он мог сохранить его втайне, никак не проявляя, — только оказать нам гостеприимство, тепло и затем уйти, не позволив незнакомцам прикоснуться руками или даже взглядом к тому, что так свято и так глубоко.

В этом же духе есть в истории Персии рассказ об одном царе, который был захвачен в плен врагами. На его глазах убили его ближайших друзей, и он горько оплакивал их. Затем обезглавили его собственного сына, и он смотрел как каменный, без единой слезы. И тогда, глядя на него, захватчик сказал: «Как велико должно быть горе, которое даже и слезы не находит для своего облегчения!»

Это те впечатления о смерти и потере близких, которые я получил в раннем детстве. Позднее в жизни мне очень много пришлось сталкиваться со смертью.

Одна из проблем, сразу встающих перед тем, кто потерял близкого человека, выражена русским писателем. Он говорит, что, когда мы теряем друга или родного человека, нас болью пронзает мысль, что мы недостаточно его любили, что мож-

но было выразить ему так много любви, так много ее получить, так много любви щедро изливать на него — а теперь слишком поздно. Я хочу предостеречь вас от такого отношения. Французский писатель Габриэль Марсель говорит: «Сказать человеку “Я тебя люблю” — то же самое, что сказать: “Ты никогда не умрешь”». Это можно комментировать различно. Для меня эти слова прежде всего означают, что если каждого из нас вызвала к жизни любовь Бога Живого, тогда для нас уготована вечность, потому что Его любовь не позволит нам выпасть из бытия. Это также означает на нашем, более скромном, простом, но очень практическом и важном для нас уровне, что мы никогда не должны себе позволить, когда теряем любимого, сказать: «Мы любили друг друга, мы были так близки» в прошедшем времени, как будто со смертью этого человека умерла любовь и на ее месте осталась только боль. Мы должны всегда говорить в настоящем: «Я люблю его (ее)», ушедшего из этой жизни, потому что, как говорит нам Ветхий Завет: «Крепка, как смерть, любовь» (Песнь П. 8:6) — это единственная сила, которая может противостоять смерти и не быть поверженной. А как христиане мы можем утверждать, что любовь сильнее смерти, потому что верим в победу над смертью, одержанную в Воскресении Христовом.

Но бывают ситуации, которые очень жестоки. Я дам вам несколько примеров, поскольку думаю, что примеры из жизни могут быть более убедительными, чем теоретические рассуждения.

Несколько лет назад во Франции я встретил пожилого человека восьмидесяти с лишним лет. В разговоре он сказал мне: «Я хочу попросить вашей помощи в одном деле. Когда мне было двадцать лет, я был влюблен в девушку. Мы оба сражались в составе Белой армии, и во время одного из сражений я убил ее». Конечно, он сделал это ненамеренно: во время перестрелки она внезапно высунулась, и он нечаянно застрелил ее. И он говорил: «Всю жизнь с того момента я не могу найти покоя. Я не только оборвал, обрубил жизнь, которая только расцветала, была так полна надежды, радости, ожидания, я не только убил девушку, которую любил всем сердцем и которая любила меня и собиралась выйти за меня замуж, но все последующие шестьдесят с лишним лет я чувствовал, что не могу искупить эту вину, теперь я уже не могу рассказать ей о своей боли».

Я спросил его, что он делал на протяжении всех этих лет. Он ответил, что делал все, что только ему могли посоветовать: молился об упокоении ее души, исповедовал свою вину, получал разрешительную молитву, совет священника,

причащался, давал милостыню и просил людей молиться о ней и о нем — но так и не обрел покоя. Тогда я сказал ему то, что не готовил заранее, но что вспыхнуло в моем уме, в моей душе. Я сказал: «Вы просили прощения у всех вокруг — у священника, которому не нанесли вреда, просили исцеления у Бога, Которого вы не убивали, но вы никогда не обращались к самой девушке, вина перед которой вас мучит. Сегодня после вечерних молитв сядьте и обратитесь к Маше, которую вы убили. Расскажите ей о шестидесяти с лишним годах душевных страданий, расскажите ей все с того самого момента до сегодняшнего дня и попросите, если она способна простить, — а может быть, уже простила, — попросите заступиться за вас перед Живым Богом, перед Богом, Который есть Бог живых, а не мертвых, для Которого все живы — во плоти или духом, и испросить у Него покоя вашему сердцу, покоя, который мир не может дать, покоя, который не смогло вам дать ничто, к чему бы вы ни прибегали». Он так и сделал. И в следующий раз, когда мы встретились, он говорил мне с радостью и благодарностью Богу, что ему стало легче: он излил свою душу Маше, попросил ее прощения и заступничества, и затем мир, невыразимый, несказанный, сошел на него, и он узнал, что ничто не стоит между ними; более

того — что посреди них Господь, Который связывает их по ту и другую сторону жизни.

Я думаю, что это еще один пример, иллюстрирующий ту же мысль, — нельзя никогда говорить в прошедшем времени: «Мы любили друг друга, мы были так близки друг другу», но всегда в настоящем времени: «Мы любим». Если же мы оказались способны забыть, чувствуем, будто нашего любимого никогда не существовало, мы должны с грустью сказать: «Мы никогда не любили друг друга. Смерть оказалась сильнее того чувства, которое я называл любовью, потому что я так никогда и не узнал, что такое любовь».

Вам может показаться, что я легкомысленно говорю о потере и смерти. Это не так. Я потерял всех своих родных и огромное число людей, которые значили для меня очень много. Но я хочу сказать вам нечто еще, нечто о самой смерти как ее воспринимают взрослые и дети. Около двадцати лет назад меня позвали в Кембридж: глубоко любимая бабушка умерла после долгой болезни. Отец семьи был русским, как и его покойная мать, а вот мама была англичанкой, и их дети родились и воспитывались в Англии, и им было около шести и семи лет. Когда я приехал, я обнаружил, что детей в доме нет. Первым делом я спросил: «А где же дети?» Их мать ответила: «Мы их увели, мы

же не могли допустить, чтобы дети остались в одном доме с покойницей». — «Но почему?» — «Потому что они знают, что такое смерть, и знают, как это ужасно». — «И что же такого ужасного они знают о смерти?» — «На днях они нашли в саду крольчонка, которого задрали кошки, так что они видели, что такое смерть». Я был потрясен и сказал родителям: «Вы понимаете, что вы делаете? Вы понимаете, что, если такую картину смерти они пронесут через всю жизнь, смерть будет для них ужасом, которым они навсегда будут ранены и уязвлены?» После долгого спора родители сказали мне: «Мы уверены, что дети получат психическое расстройство, если их привести обратно, но раз вы настаиваете, пусть это будет под вашу ответственность». На это я согласился.

Я привел детей и сказал им: «Бабушка умерла». Один из них спросил: «А что это значит? Это то, о чем она говорила: О, как бы я хотела умереть и быть с дедушкой и со всеми теми, кого я любила?» — «Да». — «А можно нам ее увидеть?» — «Конечно, можно». И мы вошли с ними в комнату, где лежала бабушка. В последние годы перед смертью она тяжело болела и ее лицо всегда несло печать страдания. Но теперь, после смерти, боль ушла, и лицо было мирным, ясным и исполненным покоя. Мы вошли в ком-

нату и просто стояли там. В комнате была такая тишина, которую редко можно ощутить среди живых людей — только редкими изумительными мгновениями, когда двое друзей сидят вместе в сгущающихся сумерках, когда разговор их затихает и начинается настоящее общение в глубине молчания. Именно такая тишина наполняла комнату. Один из детей сказал: «Так вот что такое смерть!» И другой прибавил: «Как прекрасно!» Разве это не более здоровое начало жизни для них, которое поможет и в будущем подготовиться и к собственной смерти, и к переживанию утрат, чем воспоминание о разодранном крольчонке, которое будет всплывать у них в памяти при всяком упоминании смерти, на каждых похоронах, у любого гроба?

Чувство покоя было одной из глубоко поразивших меня вещей, когда умер мой отец. В тот период мы жили в совершенной нищете. Он умер внезапно. Я вошел в его комнату. Там были кровать, стол, стул и несколько книг. Я тогда был студентом-медиком двадцати с небольшим лет. Я стоял в его комнате один, и тишина в комнате была не только полной и ошеломляющей — она имела глубину, такую глубину молчания, что я услышал собственные слова: «А говорят, что есть смерть... Какая ложь!» Потому что эта тишина

была не просто отсутствием шума, не такой тишиной, которую можно порой почувствовать на природе, — а тишиной, которую я ощутил как Божие присутствие.

В древности или, вернее, в раннехристианские времена существовало изречение, которое часто передавалось от духовного отца к ученику: «Помни о смерти». Современный человек на такой совет обычно реагирует неприятием, отвращением: как, постоянно помнить о смерти, чтобы эта мысль черным облаком нависала над всякой житейской радостью? чтобы затмевался свет каждого дня, колебалось мирное течение жизни, каждая радость оборачивалась трауром, надежда — ужасом?! Нет, не о том говорили христиане в древности. Они говорили о том, что если не осознавать, что смерть может в любой момент забрать тебя или человека, с которым ты разговариваешь в данную минуту, то ваши отношения никогда не будут такими полными и глубокими, как могли бы быть.

И я испытал это, когда умирала моя мать. Три года она болела раком. Она болела дома и умерла дома. Приблизительно за год до ее смерти ей провели операцию — и неуспешно. Ее доктор посоветовал мне ничего ей не говорить. Я не стал слушать его совета. Я пришел к ней, рассказал об

операции, и помню, как она тихо сказала: «Значит, я умру». И я ответил: «Да». И затем добавить было нечего. Мы сидели вместе в молчании долго-долго, общаясь без слов, понимая, что наши отношения глубокой любви, долгая жизнь, которую мы прожили вместе, придут к концу, но ничто не сможет поколебать нашей любви друг к другу. И затем, через некоторое время, я продолжал заниматься своими делами, а она оставалась в постели. Но в результате этого разговора случилось то, что ни в какой момент моя мать не была замурована в вынужденное молчание, ни в какой момент ни она, ни я не должны были играть отвратительную уродливую комедию, которая так часто разыгрывается в больницах, когда и сам умирающий человек, и все окружающие члены его семьи знают, что смерть близко, но все продолжают друг другу лгать, будто это не так. Тогда человек, которому требуется слово или только жест понимания, лишен его, а окружающие, которым так нужно выразить свою любовь таким образом, как они, возможно, стеснялись ее выразить до болезни, пока смерть не нависла над ними, — также не могут этого сделать. Нам не нужно было играть в эту игру.

Но, кроме того, нам стала ясна одна важная вещь: нет ничего столь малого, незначительно-

го, что не могло бы выразить всего благоговения, всей любви, всей глубины отношений между двумя людьми. Мы обнаружили, что любовь во всей ее полноте можно выразить движением, каким ты поправишь подушки под головой умирающего человека, как ты подашь чашку чая на подносе, тем, как звучит твой голос, — каждым движением, от самого малого до большого. Мы почувствовали с остротой — и я думаю, что это правда в каждый момент жизни, — что нет важных или несущественных вещей. Самое незначительное действие, если оно по-настоящему выражает взаимную любовь, — бесконечно велико, а если оно не выражает, не воплощает, не передает любви, оно ничего не значит и рассеется как пыль.

Скажу еще раз: память о смерти имеет огромное значение, но я говорю не только о людях, которые больны, лежат в постели или поражены так называемыми смертельными заболеваниями. Если позволите выразиться резко, мы все больны неизлечимым заболеванием — смертью. Каждый из нас умрет. Возможно, здесь нет ничего трагического, а может быть, и есть, но это просто факт. И я думаю, что это важно сознавать, потому что если бы только мы умели сознавать, что ничего нет в нашем распоряжении, кроме на-

стоящего момента, что ничего дальше может не быть — как бы тогда мы относились друг к другу? Если бы мы знали, что человек, с которым мы разговариваем, или мы сами можем вот-вот умереть, не закончив разговора, разве не изменился бы наш голос, наши движения, наше отношение — разве не стали бы мы вести себя иначе, не так, как обычно, когда считаем, что у нас впереди много времени? Сейчас я позволю себе быть нетерпеливым, быть грубым, проявить равнодушные, неверность, быть холодным — позже я все заглажу. А что, если времени уже не будет? Только сознание, что каждый момент, каждый настоящий момент может быть последним, позволяет нам превратить его в полноту, в торжество отношений, в победу. И я думаю, что это очень важно в каждодневных отношениях. Мы не имеем права ждать, пока ситуация внезапно обернется трагедией, чтобы пожалеть обо всем, чего не было сделано, чтобы, оглядываясь назад, спрашивать: Господи, почему я не сделал этого раньше?

Есть стихотворение немецкого поэта на эту тему:

Резкое слово так быстро сказано,
О, не ради жестокости или обиды.
Но та, кто услышала, ушла в слезах,
А теперь я стою у ее могилы...

Случается, что смерть настигает человека не только пожилого, не только после долгого смертельного заболевания. Иногда люди гибнут внезапно, например в результате дорожной аварии, и этого никак не исправить и не изменить.

Да, я рассказывал вам о человеке, которому посоветовал обратиться со словом к убитой им девушке, — но это не так просто. Отношения должны быть как хорошо настроенный инструмент: каждая струна должна издавать верный звук, и иногда требуется очень много времени для того, чтобы настроить душу так, что мы можем обратиться к человеку, которого обидели.

В переживании утраты есть еще два момента, о которых мне хочется упомянуть. Во-первых, случается, что перед нами человек, который в силу возраста или болезни приближается к смерти. Одна из величайших возможных для нас ошибок состоит в том, чтобы стараться закрывать на это глаза, пытаться вычеркнуть это из памяти, пока не наступит смерть, и когда это происходит, она становится для нас страшным ударом — будто наша дочь, жена или мать вдруг попали в аварию и оказались убиты. Внезапность утраты может оглушить и сломить нас. Очень важно для обеих сторон не отворачиваться от приближающейся смерти, но сейчас я гово-

рю о том, кто останется, чтобы он мог подготовиться к предстоящей утрате, пока это возможно, с помощью умирающего любимого человека. Я прошел это со своей матерью. Были моменты, когда мне была невыносима боль разлуки, или мама не могла наедине выносить мысли о расставании, и тогда я приходил или она звонила в колокольчик, и мы сидели вместе перед сознанием того, что жизнь уходит и подступает смерть, что приближается разлука, и мы разделяли это переживание, насколько только можно переживать смерть, будучи живым. Я говорю не о проговаривании, а именно о том, чтобы разделять друг с другом боль, душевное страдание, говорить о нем, но без драматизма, а правдиво, постепенно осознавая боль, которую принесет расставание, но также и надежду на новую встречу и воссоединение. Я верю в вечную жизнь, и я верю, что наступит время, когда мы все будем вместе; со смертью каждого человека происходит нечто чудесное: все больше и больше людей, с которыми нам хочется никогда не разлучаться, оказываются уже в вечности, и вечность все больше и больше становится для нас желанным местом.

Вы помните слова апостола Павла: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп. 1:21). В другом месте он говорит, что для

него умереть — это не совлечься временной жизни, а облечься в вечность (ср.: 2 Кор. 5:4).

Последнее, с чем я хотел бы оставить вас, хотя есть еще многое, чем мне хотелось бы поделиться. Когда приходит время смерти близкого человека, часто люди стараются проявить героизм, не выказывать свою боль — и даже не чувствовать боли. Я считаю, что это большая ошибка. Я думаю, что мы имеем полное право испытывать боль, даже если она жжет нас; это больше, чем право, это почти наш долг, потому что боль — это наша любовь. Любовь выражалась через радость, теперь она выражает себя через боль. Это та же любовь, и нет ничего постыдного в том, чтобы ощущать ее, но, конечно, не должно быть боли ради боли — просто не нужно от нее прятаться.

И еще одно, с чем очень часто люди сталкиваются, — это вопрос: а что дальше? Вот то, что очень помогает мне и помогает другим: если человек жил и был способен пробудить в нас любовь, благоговение, уважение, благодарность, то он оставил нам пример. И когда человек уходит из жизни, мы призваны, пока не придет наше время, быть продолжением его жизни, жить таким образом, чтобы земля, наше окружение ничего не потеряли с уходом человека, которого мы потеряли.

И мне так часто доводилось встречать сообщества людей, которые хорошо это понимали, и на их примере с изумлением можно увидеть правду евангельских слов: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Если бы каждый, у кого умер дорогой ему человек, думал: «Что значил для меня умерший? В чем величие, правда, красота, благородство, которое он передо мной раскрыл и разделил со мной?», тогда каждый мог бы стать будто продолжением жизни ушедшего. Ведь есть так много граней, которые были только намечены в жизни одного человека и могут быть с таким величием воплощены в жизни многих; а затем — я верю — наступит день, как говорит и Евангелие, повторяя слова Ветхого Завета, когда и сеющий, и жнущий будут радоваться вместе (Ин. 4:36).

Ответы на вопросы

Вы говорили о достаточно длительных отношениях. Как обстоит дело, когда у людей гораздо меньше времени, например, в отношениях между матерью и младенцем?

Я думаю, что отношения между матерью и ребенком, которому предстоит родиться, в течение девяти месяцев беременности, а также постепенное возрастание отца в отцовство и в новое качество отношений с женой — не так продолжительны по времени, как отношения между мужем и женой или родителями и детьми, но так глубоки и уникальны по своей сути, что невозможно говорить о смерти этого ребенка как о смерти какого-то неизвестного существа. Мать знала ребенка на протяжении девяти месяцев, думала о нем, зачастую ребенку дано было имя задолго даже до зачатия — он уже жил в мечтах родителей до того, как стал реальностью, пусть даже зачаточной. Если ребенок рождается до того, как родители дали ему имя, я думаю, что имя все же

должно быть дано, чтобы о ребенке можно было думать не только как о младенце, как «о нем» или «о ней», как о безымянном существе, но как о реальном и конкретном. И я уверен — но это только лишь мое мнение, которое я даже не должен бы выражать, не говоря о том чтобы навязывать его, — что ребенок, который умирает, входит в вечность и реален для Бога и будет реален для родителей, когда наступит их черед войти в вечность, где они встретятся. Поэтому я уверен, что никогда нельзя думать, будто жизнь ребенка началась с его рождения, вспыхнула на несколько дней или недель, или месяцев и погасла, будто ничего и не было: был долгий период глубоко личных отношений, вырастания во взаимоотношении между матерью, ребенком, отцом, а возможно, и окружающим миром, которые были абсолютно реальны, содержательны, существенны. Поэтому, скажем, в Православной церкви мы молимся о ребенке. Отпевание младенца отличается от отпевания взрослого: мы молимся не о прощении его грехов, но о даровании ему вечной радости. Повторяющимся мотивом службы будет: «Упокой, Господи, младенца»².

² Еще молимся о упокоении блаженного младенца *имярек*, и о еже, по неложному Своему обещанию, Небесному Своему Царствию того сподобити // Чин погребения младенческого. Требник. М., б.г. С. 295.

И я думаю, мы должны осознавать, что жизнь ребенка продолжается, она не оканчивается смертью.

Это не означает, что родители будут испытывать меньше боли, но я говорил не в пользу того, что болеть не должно, а в пользу того факта, что мы можем встретить смерть с любовью, с надеждой. Видите ли, в православной службе отпевания есть нечто, что всегда меня поражает. Она начинается со слов «Благословен Бог наш». Это призыв для нас быть способными благословить Бога во всех путях Его, даже перед лицом ужаса разлуки и смерти. И затем, в ходе службы читается или поется псалом, в котором есть слова: «Жива будет душа моя и восхвалит Тя, Господи», — умерший как бы обращается к нам не с какими-то выдуманными словами, а словами Писания. А в ответ на эти слова немного дальше в службе мы слышим: «Блажен путь, воньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения»³. Такова атмосфера отпевания. Но она также не исключает слез о разлуке. И на службе отпевания мы стоим с зажженными свечами, как в пасхальную ночь, когда мы поем Воскресение

³ Блажен путь, которым ты идешь сегодня, душа, ибо тебе приготовлено место покоя (ц.-славян.).

Христово. Но свечи также свидетельствуют перед Богом о том, что этот человек, этот младенец или старый человек, или взрослая женщина, или мужчина, внесли в этот мир свет. Они зажгли в нашей душе любовь, ласку, надежду, а порой — мучительную боль, которая тоже, как я уже говорил, может быть проявлением любви.

На протяжении веков в культуре существовало множество разнообразных ответов на вопросы, которые ставит существование смерти: концепция вечности, вечной жизни, представление о реинкарнации, представление о смерти как о полном исчезновении. Вопрос: какими были корни вашей собственной веры?

Мне думается, что есть фраза, которая покрывает различные убеждения относительно того, что происходит с человеком после смерти; однажды, будучи подростком, я услышал ее от своего отца. Я вернулся из летнего лагеря, и он сказал мне: «Я беспокоился о тебе». Я с легкостью юности спросил: «Ты боялся, что я свернул себе шею?» Он любил меня очень серьезной, трезвой любовью, так что это не был легковесный ответ. Он сказал: «Нет, это не имело бы значения. Я бо-

ялся, что ты потерял цельность души». И добавил: «Помни: жив ты или мертв — не имеет значения, даже для тебя. Важно — ради чего ты живешь и ради чего ты готов умереть».

Только если ты принимаешь, что твоя собственная смерть не имеет для тебя значения, ты можешь жить дерзновенно, потому что если смерть или, может быть, ее последствия имеют значение, тогда ты всегда будешь жить так, чтобы только не умереть. Французский писатель Рабле раз написал приятелю: «Я готов стоять за свои убеждения до виселицы — исключительно». Но как только вы произнесли «исключительно», вы не готовы стоять за свои убеждения вообще. Знаете, я готов на все, кроме... Раз появляется это «кроме», значит, исчезает надежда, что вы готовы на любой риск, до конца.

Поэтому фраза, которую сказал мне тогда отец, имела и до сих пор имеет для меня решающее значение. Что произойдет после — не мое дело, мое дело — что я такое и как я веду себя в настоящий момент.

На вторую половину вашего вопроса вкратце я могу сказать следующее (я готов сказать об этом более подробно, но я постараюсь быть краток, потому что вы, вероятно, уже довольно наслушались моего голоса): до пятнадцати лет Бог для меня не

существовал. Мое детство прошло на фоне Первой мировой войны, революции, ранних лет эмиграции, никакого религиозного образования мне никто никогда не имел возможности дать. А когда пришло время получать образование, меня отправили в школу-интернат, где о религии не было и речи. Я не был атеистом в смысле атеистических убеждений, но я был атеистом в том смысле, что Бог для меня просто не существовал.

Затем наступил момент, когда вопрос о существовании Божиим был поставлен передо мной в форме беседы о Христе и Евангелии одного выдающегося богослова, который, к сожалению, с подростками никак не умел говорить. Эта беседа произвела на меня такое впечатление, что я помчался домой удостовериться, правда ли то, что он говорил, и если это правда, то я со всем этим кончил: с Богом, с Христом, с Евангелием. Я спросил у матери, есть ли у нее Евангелие. Ничего хорошего от Евангелия я не ждал, и, поскольку слышал, что есть четыре Евангелия, я решил, что одно непременно короче, посчитал главы и выбрал читать Евангелие от Марка. И тут со мной случилось нечто решающее. Между началом первой и концом второй главы мне вдруг стало абсолютно, совершенно ясно, что по ту сторону стола стоит лицом ко мне живой Христос. Я поднял

глаза, я абсолютно ничего особого не ощущал, не видел, не слышал, не обонял, но уверенность в Его присутствии была абсолютно несомненной. Вы, конечно, можете сказать, что это было умопомрачение, и я с тех пор и по сей день остаюсь слегка тронутым, и я не буду с этим спорить. Единственное, что я могу сказать: со мной действительно нечто произошло. И затем, помню, я тогда откинулся к спинке стула, мне было тогда лет четырнадцать-пятнадцать, и подумал: «Если Христос жив, значит, все, что сказано о Нем, — правда. Он был и есть Тот, Кем Его называют». Затем в течение последующих, скажем, шестидесяти лет я сделал еще множество открытий, но этот момент был поворотным.

Другой поворотный момент также связан с этим моим — как бы сказать? — «помешательством»: я очень остро ощущаю ушедших людей как реально живущих, и не только святых, но просто людей, которых я знал, и даже тех, кого не знал. Например, когда в православном богослужении перед Евхаристией священнику подаются списки имен, чтобы он молился за этих людей, конечно, случается, что попадает несколько одинаковых имен (имена идут без фамилий) — Мария, Мария, Иоанн, Петр и т.д., — и до сих пор я никогда не прочитал одно и то же имя, не ощу-

тив, что это другой человек, другая Мария и другой Иоанн. Так я это чувствую.

Теперь по поводу реинкарнации. Я не верю в реинкарнацию, потому что в связи с ней мне представляются две проблемы. Во-первых, она в каком-то смысле лишает меня возвышающего права свободно определять мое отношение к Богу и к жизни вообще — потому что если я сделал неправильный выбор, я должен буду вернуться, прожить снова и снова и учиться, пока не выучусь как надо. И это, я думаю, разрушает для меня возможность глубоко личных отношений между Богом и мной. Во-вторых, реинкарнация лишает меня чувства личностности, уникальности личности, перечеркивает тот факт, что каждый из нас уникален и неповторим, и я не могу изменить «оболочку», оставаясь самим собой. И это представляется мне очень важным не потому, что я нахожу себя столь привлекательным в моем настоящем виде и хочу оставаться таким, а потому, что я не могу быть ничем иным, нежели я есть, хорошо ли это или плохо.

Есть отрывок в Книге Откровения, который мне очень дорог, где сказано, что в конце времен каждый получит или откроет в себе, или заново обнаружит свое забытое имя, которое известно только Богу, имя, которое является полным, со-

вершенным выражением того, кто я есть, и неповторимой единственности моих отношений с Богом (Откр. 2:17). Это не Иоанн или Петр, не фамилия и не кличка, это имя, как мне представляется, — слово, которое произнес Бог, когда вызвал в бытие лично меня, тебя, его, ее; оно — связь, неповторимая и единственная, которая существует между нами.

Если вы скажете, что в пределах одной жизни невозможно достичь всего, что доступно человеку, я отвечу, что не считаю, будто мы входим в мир как некое абсолютно новое начало. Мы несем в своем теле, в своей психике, во всем своем существе всю историю человечества, существовавшего до нас. Мы звено в длинной цепочке или, если предпочитаете, мы — еще несколько сантиметров в огромном продолжающем расти дереве, и поэтому я — наследник прошлого и начало будущего, так что я наследую все то, что содержит прошлое, и я должен принести от этого плод. Или, если мы переключим внимание с самих себя и посмотрим на то, как в двух Евангелиях описана родословная Христа, то увидим, что в ней есть только три имени, которые ни с чем не связаны и не представляют для нас проблемы, потому что мы не находим их в Писании. Но в остальном в этом списке есть два рода имен, и это ка-

жется мне поразительным: некоторых мы знаем как великих подвижников — мужчин и женщин, святых, героев духа; некоторые совершенно определенно были грешниками. Но если только мы подумаем, что Христос унаследовал их плоть, и кровь, и душу, и жизнь, — я вижу, как все эти поколения святых и грешников смотрят на Христа и видят себя самих воплощенными и исполненными в Нем. В Нем они расцвели в совершенную красоту, и они неотделимы от Него.

И снова, если вы подумаете о человечестве в целом, то увидите, как все ручейки, мы с вами, собираемся в одно, и затем придет день, когда мы все встанем перед Богом. Ведь то, что мы называем Страшным судом, нельзя себе представить как сумму драматических частных судов. Тогда предстанет все человечество в его целокупности, потому что не только люди, плотью, кровью, душой связанные друг с другом, но и те, кто просто встретились, — каждый оставляет на другом след навечно. Я дам ответ за то, как я говорил с вами, как вы приняли мои слова, вы будете отвечать за то, каким образом вы отозвались на слышанное от меня в самих себе и в своей жизни. И наступит день, когда уже не разобщенные личности, а единое цельное живое тело человечества достигнет исполнения. Поэтому я не ощущаю, что мне не-

обходима реинкарнация или какая-то повторная жизнь, чтобы в итоге достичь полноты, — это общая работа, это то, что достигается всем человечеством, со всеми падениями, новыми достижениями и однажды, я верю, — победой.

Бывают ситуации, когда человек умирает, не примирившись с Богом. Как можно утешить его близких?

Я начну с цитаты и затем скажу нечто, что является моим собственным убеждением и чему есть очень мало подкреплений, но ничего другого я предложить не могу. Цитата — слова одного из самых выдающихся духовных наставников этого века, которые он записал в своем дневнике: «Нет человека, который бы встал перед Богом после смерти и не изумился Ему, не пал перед Ним на колени и не воскликнул: “Тебя единого я искал всю мою жизнь!”». Какое бы имя ни давал человек цели своих исканий, каким бы путем ни шел к ней, именно в Боге — высшая красота, высшая гармония. И каждый человек, даже самый нравственно уродливый; каждый, кто готов на поиски или оставил поиски от отчаяния, что все дороги закрыты; каждый, когда встретит лицом к лицу Ответ, это произнесет. Это первое.

И второе, что, я надеюсь, вы не воспримите ошибочно. Во Христе меня поражает то, что Он согласился разделить с нами все, что составляет тяготу жизни человека. И задумываясь, в чем она состоит, люди обычно отвечают: ну, Он был рожден в таких-то условиях, в бедной семье, на территории оккупированной страны, в поработанном и презираемом народе, затем Он жил самой обыкновенной человеческой жизнью, Ему приходилось испытывать голод, жажду, усталость, Его не понимали, ненавидели, один ученик Его предал, другой от Него отрекся, все Его оставили... Но есть нечто большее, что Христос разделяет с человеком. Он встал рядом с Богом перед лицом человечества, которое отказалось принять Бога всецело, подчинить себя Ему полностью. Он встал вместе с Богом перед лицом всех тех, которые отвергли Его. И Ему пришлось умереть за пределами человеческого града — на холме вне стен городских, как поется в одном англиканском церковном песнопении. С другой стороны, Он стоял абсолютно твердо вместе с человеком перед Богом как Ходатай за нас, но и единый с теми, за кого ходатайствует. И Его слова на кресте, «Боже Мой! Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?» я понимаю как момент, когда в Своем человечестве Он потерял чувство Бога, Он разделил

с человечеством самый трагический, предельно трагический опыт — обезбоженность — и умер, потеряв Бога. Иначе умереть невозможно. И я верю, что нет в мире ни одного атеиста, который бы так измерил глубину отсутствия Бога, как ее пережил Христос. Нет ни одного атеиста, которого Христос не мог бы понять гораздо глубже, чем он сам себя понимает. И я верю, что, как верующий, так и атеист находят место в этом неизмеримо широком опыте Христовом. Поэтому я не стал бы пугаться и такой ситуации, о которой вы говорите.

Вопрос о самоубийстве и переживании утраты...

Я дам ответ двумя примерами, потому что думаю, что на этот счет невозможно сказать ничего теоретически. Я не могу сказать: таков суд Божий. Один пример взят из жизни католического святого XIX века Жана-Батиста Вианне, кюре из Арса. К нему пришла женщина в глубоком отчаянии: ее муж покончил жизнь самоубийством, бросившись в реку; неужели теперь он подлежит вечному осуждению? Кюре ответил, что будет молиться о просвещении, чтобы дать ей ответ. Через два или три дня он призвал женщину

и сказал ей: «Утешься: между мостом и водой он пожалел о своем поступке».

Это, может быть, звучит как шутка, но мы не знаем, что происходит с человеком в период от его действия до момента смерти. Это время — загадка.

Я могу сказать еще немного об этом времени, пока человек умирает, и до того, как наступит смерть. Я вспоминаю, как моего товарища, когда я был студентом-медиком, попросили посидеть ночь с умирающей старушкой. Это была очень старая женщина, она была человеком сильным и волевым, но в тот момент была уже без сознания. Он сидел рядом и молился, и по звукам, которые она издавала, по ее жестам понимал, что был период, когда она все еще была на грани умирания; потом она почувствовала, что смерть подступила к ней и боролась со смертью, потому что эта женщина была нацелена на жизнь. И затем наступил момент, когда она в ужасе воскликнула, увидев себя во всем уродстве, окруженной темным, бесовским миром. Это был возглас ужаса и зов о помощи, и это продолжалось долгое время. А затем, в определенный момент, она произнесла: «Пришел свет, их больше нет, они исчезли. Теперь я могу умереть». Это произвело на него большое впечатление. Я не говорю, что это было

каким-то специальным откровением. Я просто хочу показать вам нечто, что, я думаю, реально происходит.

Если вернуться к самоубийству как таковому... Когда я работал врачом и позднее, я встречал несколько людей, которые пытались кончить самоубийством и выжили. Как правило, люди совершают самоубийство — я не говорю о каких-то крайних случаях, когда на самоубийство решаются, чтобы избежать пытки, например, — с тем чтобы убежать от жизни. Самоубийство совершается, когда человек теряет самообладание, это не отрицание жизни, человека просто захлестывает ужас, тревога. И мне кажется, что Бог может посмотреть на это милостиво. Я могу с уверенностью сказать каждому, что в Боге присутствует глубина понимания и Его взор проникает в нас настолько глубоко, что Его суждения очень отличаются от наших и нам никогда не стоит заранее считать, что Бог осудит нечто, — мы можем надеяться, что Он простит. Я помню, как один пожилой священник ответил мне, когда я говорил о своей внутренней уверенности во всеобщем спасении: «Да, это не может быть уверенностью веры, потому что в Священном Писании нет ясного утверждения об этом, но это может быть уверенностью надежды».

Чем христианин может утешить нехристианина, потерявшего дорогого человека?

Думаю, что понятие «утешить» означает здесь «дать человеку мужество смотреть в лицо той ситуации, в которой он оказался», это не означает — рассеять его боль, муку, страдание, но помочь ему стать лицом к лицу с этим, противостоять открыто, как мы противостояем неприятелю. И это то, что может быть сделано для любого человека, если только вы готовы встать рядом, стоять вместе с ним, не убежать, когда вас утомит страдание или боль этого человека, или его мука, или горе, если вы можете сказать ему: «Я вместе с тобой». И иногда можно передать прикосновением больше, чем целой речью. Есть такие моменты, когда слова почти что оскорбительны, в такие моменты мы ничего другого не можем сделать, как положить руку на плечо человека, и это передает наше сочувствие, как никакое слово передать не может.

Второе: если человек действительно верит, что смерть означает полное уничтожение, что не существует души, продолжающей жить, а есть только тело, которое распадается на изначальные элементы, такому человеку можно многое сказать о красоте этого события. Ведь это означает,

что его тело не просто исчезнет, а станет частицей огромной, прекрасной реальности вселенной. Думаю, что наиболее трудны в этом отношении не те, кто просто и честно верит в полное уничтожение, но те, кто верит наполовину — они боятся, что посмертного существования нет, но «как мучительно будет не существовать». Я понимаю, что это нелепая картинка, но именно таковы чувства многих людей, которые как будто не верят, что будут жить после смерти, но страшатся самого ужаса небытия. И я думаю, что в такой ситуации нужно действовать очень честно, прямо показать человеку всю ее нелепость.

Еще одно, что вы можете сделать, верующий ли перед вами или не верующий, это сказать: «Я не могу разделить твое неверие, я только скажу, почему я сам верю, поделюсь с тобой своей верой». Только что я говорил о прикосновении, о том, что можно держать человека за руку. Это кажется мне таким важным как в отношении человека, переживающего потерю близкого, так и в отношении умирающего. Для переживающего утрату такое прикосновение передаст все ваше сострадание, и если только у вас достаточно смелости остаться с этим человеком, не убежать, потому что вы устали нести его тяготу, можно сделать многое. Но в случае с умирающим порой

единственное, что можно сделать, — это держать за руку, не задавая вопросов: «Веришь ли ты в Бога? Веришь ли ты в вечную жизнь?», но лишь спрашивая: «Чувствуешь ли, что я рядом, мы вместе?»

Я помню молодого солдата, он умирал во фронтовом госпитале, где я был хирургом в 1939 году. Я к нему подошел и сел рядом, он сказал: «Сегодня ночью я умру». — «Да, возможно, сегодня ты умрешь. Тебе страшно?» — «Нет, мне не страшно умирать. Конечно, мне больно, что я не увижу больше жену, мою деревню. Но мне страшно, что я буду умирать один». — «Ты не будешь умирать один, я останусь с тобой». — «Да, но как я буду знать, что вы рядом?»

Я ответил: «Сначала мы будем разговаривать. Потом ты устанешь и будешь говорить все меньше. Потом ты заснешь, и затем, еще прежде, чем ты заснешь, я возьму твою руку. Ты иногда будешь просыпаться, открывать глаза и видеть меня, а будут моменты, когда ты не сможешь открыть глаза, но будешь чувствовать мою руку и пожимать ее. И так мы проведем ночь, и в какой-то момент ты умрешь, но до последнего момента ты будешь знать, что ни минуты не был один». Так и произошло — он сжимал мою руку, пока его рука не похолодела и не опустилась... Но он ни минуты не

оставался в одиночестве, и было видно — я видел, чувствовал, — что ему не страшно, он просто постепенно вошел в смерть, как бы заснул.

И я думаю, что находиться рядом, оставаться вместе с человеком, переживающим утрату или умирающим, чрезвычайно важно. И наряду с этим — смелость поделиться собственными убеждениями. Не говорить: «Вы не правы, а я прав», а: «Знаете, я думаю иначе. Я потерял мать, потерял отца, потерял так много других людей, и мой опыт таков...» И когда человек сталкивается с такими предельными явлениями, как смерть, люди зачастую гораздо более открыты, гораздо более восприимчивы, потому что в таких ситуациях это для них жизненно важно. В таких ситуациях они способны принять нечто новое, чем когда они полны жизни и слушают в одно ухо. Если в этот момент ваше слово не подействует, оно может подействовать позже. И это тоже нужно принять в расчет: мы не всегда способны помочь человеку в самый момент, когда стремимся помочь. Но то, что мы делаем, что говорим, чем мы являемся, может оставить на личности человека как бы печать.

Я могу дать очень коротенький пример. Во время немецкой оккупации я в течение года преподавал в средней школе, потому что мне нуж-

но было официальное прикрытие, ну и нужна была пища. В одном из классов была девочка лет четырнадцати-пятнадцати, которая проплакала весь мой урок естественной истории, и мне не верилось, что она пришла в такое отчаяние и плачет из-за урока. И когда после урока она выходила, я ее остановил и сказал: «Не отчаивайся никогда!» Она прошла мимо. Я не знал, что с этим словом случилось; но для меня это слово имело громадное значение, потому что я верю в помощь Божию в этом отношении. Двадцать пять лет спустя она меня разыскала и написала письмо, что в тот день эти слова дали ей силу жить и надежду на будущее; это будущее перед ней раскрылось как победа. В тот момент я только сказал ласковое слово бедной плачущей девочке, но оно было сказано изнутри моего собственного опыта и из того, чему я научился от Христа. И это очень значительно переменяло для нее нечто.

Антоний, митрополит Сурожский

**СМЕРТЬ: УХОДЯЩИЕ
И ОСТАЮЩИЕСЯ**

Перевод с английского

Редактор Р. Адамянц

Подготовка издания Е. Садовниковой, Т. Семчишиной

Верстка Е. Владимирской

Дизайн обложки Е. Коврижных

Корректор Л. Ким

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Тел.: 8 (903) 543-88-19

www.mitras.ru

E-mail: esadovnikova@yahoo.com

fondmas1@yandex.ru

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

119048, Москва, Кооперативная ул., д. 10, кв. 12

Тел.: 8 (965) 372-57-72

www.hospicefund.ru

E-mail: fund@hospicefund.ru